

Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева

ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ: НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

Основная идея и цель данной статьи – проверка гипотезы о том, что результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. в сравнении с переписью 2010 г. показали статистически значимое увеличение коэффициента эмотивности, т. е. количества людей, назвавших этнический язык родным, но не владеющих им. Бурятский был назван в числе языков, показавших, наоборот, низкий коэффициент эмотивности, что может свидетельствовать о понижении его символической ценности между 2010 и 2020 гг. Для проверки гипотезы в отношении бурятского языка авторами статьи было предпринято сопоставление данных большой статистики (переписей населения) с малой статистикой – материалами региональных исследований по Республике Бурятия. Сопоставление выявило ряд различий между ними. Если перепись 2020 г. показала рост числа владеющих бурятским языком, использующих его в повседневной жизни и считающих его родным, то региональное обследование 2020 г., наоборот, свидетельствует о резком падении показателей родного языка наряду с не менее резким ростом количества людей с двойной этноязыковой идентичностью. Разница, по мнению авторов, может быть отнесена на счет отсутствия в итоговых данных ВПН-2020 сведений о двух и более родных языках, хотя именно эти сведения наряду с большим количеством «нацотказников» и новыми гибридными этнонимами являются показателями новых трендов. Анализ региональной статистики также показал сходство современной языковой компетенции бурят с той, которая была на исходе советского периода, а также механизм языкового сдвига, заключающийся в перераспределении языковых компетенций внутри самого понятия владения языком: постепенный рост пассивных навыков, уменьшение активных и варьирование навыков грамотности в зависимости от вектора языковой политики в образовании. Авторы делают вывод о подтверждении гипотезы об отсутствии повышения коэффициента эмотивности у бурятского языка; наоборот, за постсоветский период связка «язык – этничность» постепенно разрывается в обыденном сознании, отражая в данном случае самооценку бурятами их реальной языковой компетенции в этническом языке.

Ключевые слова: язык, этническая идентичность, символическая ценность языка, коэффициент эмотивности, родной язык, бурятский язык, языковая компетенция (владение языком), перепись населения, региональная статистика

Введение

По теме языка и этнической идентичности существует необъятное количество работ, так что еще одно обращение к ней кажется избыточным. Однако эта традиционная проблематика приобретает сегодня новое звучание в свете изменений современного общества, в том числе и российского. Россия постсоветского периода проходит через ряд крутых поворотов в национально-языковой сфере: «парад суверенитетов» и национально-культурное возрождение 1990-х гг. сменились укреплением «вертикали власти», поддержкой государственного русского языка и ослаблением позиций других «родных языков» в сфере образования, особенно в школе. Другой значимой тенденцией в России и во всем мире является, с одной стороны, ускорение темпов сокращения языкового разнообразия, с другой – рост языкового активизма и диверсификация языковой политики и на практике, и в теории [1, 2].

Все эти явления отражаются и на характере связи языка и этнической идентичности в современной России. Несмотря на традиционно высокий интерес к данной теме, в ее изучении существует довольно много проблемных зон. Одной из них является то, что еще в 2002 г. известным социолингвистом Дж. Фишманом было названо «вызовом эмпиризма». В статье,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

посвященной «вечной» дискуссии между примордиалистами и конструктивистами, он подвергал критике аргументацию обеих сторон: «с точки зрения конструктивистов, отсутствие эмпирических подтверждений всех вышеперечисленных (примордиалистских. – Э. Х., Г. Д.) утверждений указывает на то, что языковая обусловленность этнокультурных особенностей контрфактична. <...> Также весьма далека от эмпирического подтверждения и уверенность конструктивистов в том, что новые вызовы требуют новых ресурсов, идей, идеалов и вдохновения. Короче говоря, примордиалисты стремятся взять *desiderata* (ресурсы, идеи, идеалы, вдохновение) у древних святынь, а конструктивисты надеются получить его, отказавшись от них» (цит. по: [3, с. 135]²).

Проблема наличия достоверных эмпирических данных тесно связана с проблемой *методов* их получения. Традиционно тема языка и этнической идентичности изучается с помощью качественных этнографических методов, что, безусловно, определяется субъективным, трудноуловимым характером самой темы. Однако известным ограничением качественных методов является субъективизм исследователей и немассовый характер полученных данных. Как правило, такие ограничения в какой-то степени разрешаются применением триангуляционного подхода, когда качественные методы сочетаются с количественными [4].

Сегодня, однако, есть возможность применить современные компьютерные программы к такому сугубо антропологическому объекту. В этом контексте, на наш взгляд, заслуживает внимания исследование А. Ф. Хановой, где связь языка и этнической идентичности, во-первых, исчисляется статистически на максимально обширном материале – данных Всероссийских переписей населения. Во-вторых, это исследование проведено на основе программы R, которая широко используется как статистическое программное обеспечение для анализа данных и фактически стало стандартом для статистических программ [5]. В-третьих, в исследовании А. Ф. Хановой задействованы данные новейшей переписи 2020 г., по результатам которой пока не так много публикаций.

Результаты статистического сравнения данных по языкам, взятые из переписей населения 2010 и 2020 гг., отражены в [6], а также представлены автором на двух конференциях в 2023 г. [7, 8]. В каждой переписи выявлялась разница между количеством людей, указавших этнический язык в качестве родного, и количеством людей, указавших владение им. Эта разница названа автором *коэффициентом эмотивности*.

Всего в итоговый анализ было включено 74 языка, по которым было проведено сравнение динамики этого коэффициента в промежутке между переписями. Исследование выявило существенные различия между ВПН-2010 и ВПН-2020³ по вышеуказанным параметрам. Ряд языков показал статистически значимое повышение коэффициента эмотивности (то есть увеличение количества людей, назвавших язык родным, но не владеющих им). Особенно высокий коэффициент эмотивности показали, к примеру, такие языки, как татарский, башкирский, даргинский, аварский, чувашский, кабардино-черкесский, чеченский, лезгинский, якутский. Бурятский относится к языкам, обнаружившим низкий коэффициент эмотивности⁴.

А. Ф. Ханова делает вывод о том, что политические и социальные факторы сильно повлияли на символическую ценность родных языков между 2010 и 2020 гг. в сторону их увеличения [6]. Под политическими и социальными факторами имеются в виду в первую очередь

² Оригинальная статья на английском языке была опубликована в 2002 г., в русском переводе вышла в 2005 г.

³ Мы будем следовать официальному названию Всероссийской переписи населения 2020 г., хотя фактически она была проведена в 2021 г.

⁴ В вышеупомянутой статье [6] авторы приводят лишь несколько языков в качестве примера, т.к. предполагают, что данных двух переписей недостаточно для статистики. Мы приводим чуть более расширенный список языков, основанный на данных, любезно предоставленных А. Ф. Хановой. Заметим, что наше исследование как раз направлено на углубленную и перекрестную проверку одного из языков – бурятского.

поправки в ФЗ «Об образовании» 2018 г., предшествовавшие им бурные обсуждения, нередко носившие конфликтный характер, и ситуация, сложившаяся с изучением родных языков в школах после принятия данных поправок. Возможно, люди – носители данных языков – расценили ситуацию с родными языками до и после поправок как угрозу этническим языкам, возможно, дискуссии тех лет просто актуализировали языковой вопрос в сознании людей. В любом случае данные переписей, согласно докладу А. Ф. Хановой, свидетельствуют о некотором повышении символической ценности этнических языков в стране между 2010 и 2020 гг.

Ценность исследования Хановой заключается, во-первых, в статистически подтвержденном изменении отношения к этническим языкам (при условии корректности результатов ВПН-2020), вычисленного на максимально обширном материале, ведь более всеобъемлющих данных, чем Всероссийская перепись населения, у ученых нет. Получается, что, несмотря на *увеличение «ножниц» между реальным владением этническим языком и номинальной квалификацией его как родного, для ряда языков во главе с татарским символическая связь языка и этничности, наоборот, стала еще крепче*. Во-вторых, если повышение коэффициента эмотивности действительно имело место, это подтверждает актуализацию «символической этничности» в массовом сознании (и приверженность российских этнических сообществ примордиалистским представлениям). И наконец, ценным является и само введенное А. Ф. Хановой понятие «коэффициент эмотивности».

В целом подход, примененный Хановой, можно считать одним из удачных способов формализации гуманитарного знания, а сделанные автором выводы – слишком серьезными (особенно для языков, показавших статистически значимое повышение коэффициента эмотивности), чтобы полагаться только на одно исследование. К тому же известно, что корректность проведения ВПН-2020 – первой в истории России переписи гибридного формата – многими ставится под сомнение (см., например, [9, 10]). Тем не менее эти цифры нельзя не учитывать (как уже говорилось, более всеобъемлющих сведений у нас нет), а достоверность данных можно проверить перекрестными социологическими и социолингвистическими исследованиями.

Именно в этом заключается *идея и цель* нашей работы – в более детальном и сфокусированном взгляде на один из языков, показавших низкий коэффициент эмотивности, – бурятский язык. То есть данные большой статистики (переписей населения) будут сопоставляться с малой статистикой – материалами региональных исследований по Республике Бурятия (РБ). Тем самым будет еще раз проверено, действительно ли коэффициент эмотивности бурятского языка по данным ВПН-2020 *ниже* коэффициента эмотивности по результатам ВПН-2010, т. е. произошло уменьшение «вилки» между символической ценностью языка и уровнем языковой компетенции. Подход «вглубь» (где берется только один язык) в отличие от подхода «вширь» (на материале многих языков) позволяет посмотреть на этот язык более пристально, поэтому динамика символической ценности бурятского языка будет прослежена на более длительном временном промежутке – начиная с переписи 1989 г. Это позволит увидеть долговременные тенденции и оценить, насколько вписываются в них результаты ВПН-2020.

Соответственно, материалами в данной работе послужили:

- данные большой статистики – переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.;
- данные малой статистики – серии обследований 1989, 2009 и 2020 гг., проведенных в РБ социолингвистами и социологами Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБиТ СО РАН). По времени они почти совпадают с годами переписей, что делает их весьма удобными для сопоставления. Исследование 2020 г. является самым свежим масштабным опросом населения РБ (подробнее о нем см. в разделе «Бурятский язык в зеркале малой статистики»);
- материалы мониторингового социологического опроса учащихся-бурят 2021 г. Всего в опросе участвовали 1 385 учащихся средних и старших классов (возраст от 10 до 16 лет) средних общеобразовательных школ 16 районов республики и г. Улан-Удэ.

Бурятский язык в зеркале большой статистики

Для целей нашего исследования в данных переписей населения нас интересуют три параметра: численность бурятской этнической группы, владение этническим языком и указание этнического языка как родного (рис. 1). Поэтому нами учитывается только количество бурят, указавших родным языком бурятский, хотя он оказался родным и для представителей многих других национальностей. К примеру, в ВПН-2020 было 1 536 русских (полагаем, что проживающих в Бурятии), 232 татарина, 26 якутов и (по убывающей) других национальностей, которые назвали бурятский язык в качестве родного.

Известно, что концепции переписей менялись: в 1989 г., в последней советской переписи, есть статистика по владению русским языком, а владение нерусскими языками попадало в категорию «других языков», из которой невозможно вычленить владение отдельными языками [11], поэтому данных по владению бурятским языком у нас нет. В ВПН-2002 не собирались сведения о родном языке, что в то время вызвало общественное возмущение, воплотившееся наиболее ярко в вызвавшей большой резонанс статье М. Н. Губогло «Кто отнял родной язык?». Поэтому на рис. 1 по этим двум переписям соответствующие столбики отсутствуют: в 1989 г. – о владении бурятским языком, в 2002 г. – о родном языке.

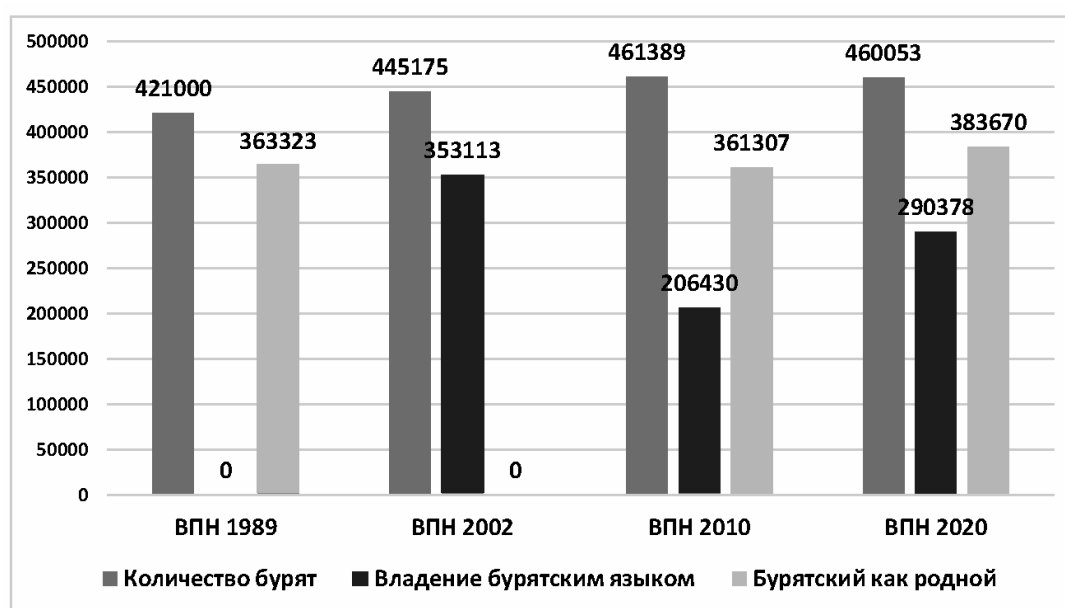

Рис. 1. Буряты и бурятский язык в зеркале переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.⁵

Мы видим, что владение бурятским языком имело тенденцию к резкому снижению между 2002 и 2010 гг., но к 2021 г. (год фактического проведения переписи) вдруг заметно поднялось – до 290 378 человек, хотя и не достигло уровня 2002 г. (353 113). Получается, что между 2010 и 2021 г. произошло нечто, из-за чего владение бурятами этническим языком резко улучшилось. В абсолютных цифрах это 83 948 человек, которые вдруг овладели бурятским языком за 10 лет. В теории это возможно, но для этого нужны серьезные подвижки в языковой политике, например широкое введение преподавания языка в школе. Такого как в федеральной,

⁵ По данным всех переписей мы исходили из количества указавших национальность, владение языком и родной язык. Количество не указавших эти параметры в расчет не берется, равно как и общие цифры по владению бурятским языком представителями других национальностей по всей России.

так и в региональной языковой политике не было, и неожиданное увеличение количества говорящих противоречит как исследованиям социолингвистов, так и мнениям обычных жителей этнической Бурятии о ситуации с бурятским языком. Скорее всего, в целом это следует отнести на счет низкого качества как переписи населения 2021 г., так и переписи 2010 г., особенно по показателю владения языком.

Для более точного и наглядного представления наличия или отсутствия «ножниц» между владением бурятским языком и квалификацией его как родного, т. е. проверки тезиса о коэффициенте эмотивности, необходимо представить эти параметры в динамике и в процентном соотношении от общего количества бурят в стране на момент соответствующих переписей (рис. 2).

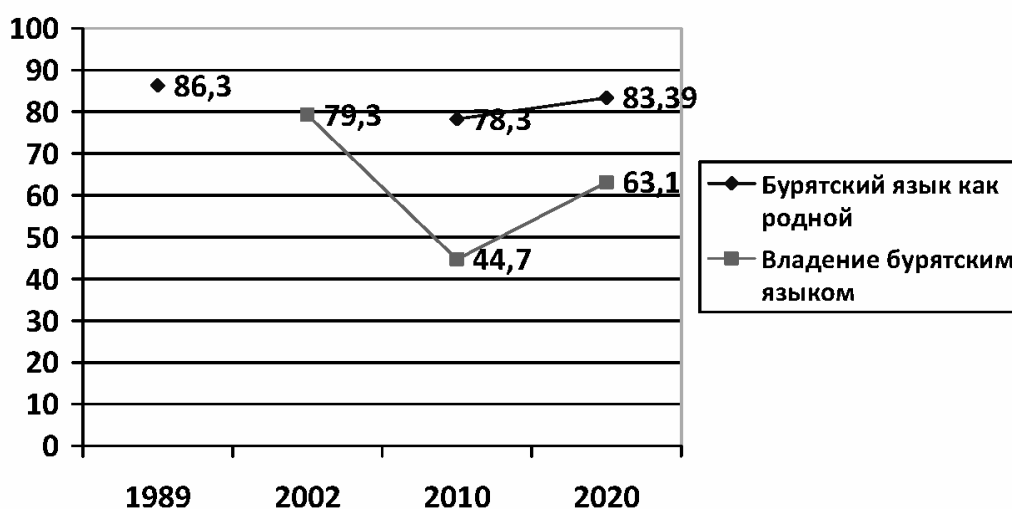

Рис. 2. Сведения о бурятском языке как родном и владении бурятским языком по РФ, %

На рис. 2 хорошо видна разница в динамике обоих параметров: динамика признания бурятского языка родным более плавная⁶, а цифровые показатели выше, чем показатели владения языком. Динамика же владения бурятским языком показывает, как уже было описано выше, резкое падение в 2010 г. и довольно резкий взлет в 2020 г.

Таким образом, подтверждаются ли в случае с бурятским языком выводы А. Ф. Хановой, т. е. наблюдаем ли мы здесь статистически значимое уменьшение количества людей, назвавших язык родным, но не владеющих им? Если брать две последние переписи, как в исследовании Хановой, то **да**, подтверждаются: в 2010 г. было больше людей, не владеющих бурятским языком, но указавших его в качестве родного, т. е. коэффициент эмотивности был максимальным в 2010 г., а не в 2020 г.

Далее, если проследить динамику ответов по владению бурятским языком и квалификации его как родного на протяжении четырех переписей, то данные ВПН-2020 выбиваются из общей картины результатов переписей и показывают трудно объяснимые тенденции. В случае с бурятским языком в постсоветский период шло неуклонное падение уровня владения им, также уменьшалось количество людей, считавших его родным. Так, в 2010 г. было наименьшее количество бурят, владеющих этническим языком (44,74%) и указавших его в качестве родного (78,3%). Однако затем, при переписи 2020 г., этот тренд нарушился: пошли на увеличение цифры как владения языком, так и квалификации его как родного. Более того,

⁶ На рис. 2 не прочерчена линия между показателями по родному языку между 1989 и 2010 гг. ввиду отсутствия данных по родным языкам в ВПН-2002, но динамика тем не менее видна по цифровым показателям.

данные ВПН-2020 показали не только существенный рост числа владеющих бурятским языком в последнее десятилетие, но и значительное количество *использующих его в повседневной жизни* – таких в 2020 г. оказалось 93,1% от общего количества указавших владение бурятским языком по РФ⁷ (заметим, что параметр «использование языка в повседневной жизни» появился только в ВПН-2020).

Рост в последней переписи всех показателей – и родного языка, и владения языком, и использования его – мог произойти: а) в силу некорректно собранных данных либо при ВПН-2010, либо при ВПН-2020, либо в обеих сразу; б) потому, что в 2020 г. действительно увеличилось количество людей, которые думают или хотят думать, что они владеют хоть в какой-то степени бурятским языком, определяют его как родной, а также пользуются им в повседневной жизни. В контексте нашего исследования интересным представляется именно это. Если иметь в виду, что пиковое значение по показателю родного языка мы наблюдали в 1989 г., то можно сделать вывод о том, что и на закате Советского Союза и сейчас имеет место некая актуализация этнического самосознания. Поэтому, как уже говорилось, для проверки данных большой статистики будут привлечены данные малой статистики – региональных обследований.

Бурятский язык в зеркале малой статистики

Согласно цели данной статьи, из полученных сведений по всем трем исследованиям по Республике Бурятия, где опрашивались представители разной этнической принадлежности, были вычленены данные только по бурятам. В 1989 г. в выборке было 2 710 бурят, в 2009 г. – 368, в 2020 г. – 479. Опросы 1989 и 2009 гг. уже анализировались (см.: [13, 14]), поэтому здесь мы приводим параметры исследования 2020 г., на которое мы в основном опираемся⁸.

Опрос 2020 г. был проведен социологами ИМБИТ СО РАН в рамках государственной программы «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2014–2020 гг.». Опрос охватил 1 289 человек: 37,16% (479 человек) составили буряты, 58,73% – русские, 3,8% – представители других национальностей. Были опрошены представители разных социальных групп, сфер деятельности, проживающие в г. Улан-Удэ (56,86%) и пяти сельских районах: Тарбагатайском (7,76%), Кабанском (7,45%), Кижингинском (8,22%), Закаменском (8,22%) и Иволгинском (8,22%). Последние три района представляют собой своеобразный оплот дальнейшего существования бурятского языка, так как в них относительно компактно проживают его носители. Так, бурятский язык указали как родной 55,66% всех (бурят и русских) опрошенных в Кижингинском районе, 41,51% – в Закаменском районе и 30,19% – в пригородном Иволгинском районе.

Сводные данные по языковой компетенции бурят РБ с 1989 по 2020 г. представлены в таблице.

В отличие от данных переписей республиканские опросы собирали более нюансированные сведения о владении языками, так что здесь мы видим, что именно респонденты понимали под владением языками. Динамика языковых навыков за исследованный период обнаруживает ряд социолингвистических тенденций, наиболее крупными и показательными из которых, на наш взгляд, являются следующие.

⁷ Данные Росстата по *использованию* языков в повседневной жизни приведены безотносительно к национальности/этничности [12], поэтому процентное соотношение подсчитано от количества всех владеющих бурятским языком по РФ. Однако цифра в 93,1% характеризует использование языка почти исключительно бурятами, так как буряты составляют 94,6% от общего количества владеющих бурятским языком в РФ.

⁸ Материалы этого исследования были частично использованы при публикации, посвященной другой теме – функционированию и востребованности бурятского языка в полиэтничной Бурятии [15].

Языковая компетенция и родной язык бурят по результатам опросов 1989, 2009 и 2020 гг.

	Формы и степень владения бурятским языком					Бурятский язык как родной	Бурятский и русский языки как родные
Год опроса, количество человек	Очень хорошо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Не владеют		
1989, 2 710	Понимают					87,6%	—
	39,9	42,0	11,0	3,2	1,5		
	Говорят						
	31,2	40,8	14,9	6,5	4,6		
	Читают						
	21,9	25,3	15,0	14,8	20,6		
	Пишут						
	19,8	22,4	12,6	14,6	28,1		
2009, 368	Понимают					88,01%	2,99%
	48,3	41,6	6,6	2,4	1,1		
	Говорят						
	35,1	43,6	15,0	4,1	2,2		
	Читают						
	32,2	34,5	19,6	8,8	4,9		
	Пишут						
	28,6	32,4	15,5	13,7	9,7		
2020, 479	Понимают					57,62%	29,02%
	40,29	28,1	16,49	7,1	5,64		
	Говорят						
	33,61	26,72	15,45	11,69	10,65		
	Читают						
	23,17	25,68	20,88	11,9	14,2		
	Пишут						
	17,54	27,71	21,09	14,82	20,46		

Во-первых, вот уже три десятилетия, начиная с 1989 г., как на селе, так и в городе стабильно лидирует пассивный навык владения бурятским языком («понимаю»).

Во-вторых, в динамике «проседает» активный коммуникативный навык – говорение: к 2020 г. на 11,67% уменьшилось количество «очень хорошо» и «хорошо» говорящих на бурятском языке, а количество «не владеющих» и «плохо владеющих» увеличилось с 4,6% в 1989 г. до 10,65% в 2020 г.

В-третьих, заметно влияние школы, что видно в первую очередь по навыкам чтения и письма. Для их формирования, в отличие от стихийно приобретаемых навыков понимания и говорения, нужно специальное обучение. Отметим, что 85,59% бурят, опрошенных в 2020 г., изучали бурятский язык в школе (в обследовании 2009 г. этот вопрос не задавался). Думается, что именно этим можно объяснить некоторое увеличение к 2020 г. количества людей, которые «удовлетворительно» читают, пишут на бурятском и понимают его. Например, динамика «удовлетворительного» навыка понимания между 1989, 2009 и 2020 гг. выглядит так: 15% → 19,6% → 20,88%, а навыка письма – 12,6% → 15,5% → 21,09%.

На то, что хоть и слабое, но увеличение знания бурятского языка бурятским населением РБ за постсоветский период произошло именно благодаря системе образования (что, в свою очередь, является следствием принятых в 1990-х гг. законов о языках в национальных респуб-

ликах), указывают следующие моменты: а) то, что российская система обучения языкам традиционно делает упор на формирование именно навыков понимания, чтения и письма; б) «удовлетворительно» является адекватной самооценкой степени их сформированности, так как при 1–2 часах в неделю применения лексико-грамматического, а не коммуникативного метода и других проблемах обучения «родным языкам» (см. об этом, например: [16]) невозможно освоить язык на более высоком уровне и сформировать устойчивый навык говорения.

Таким образом, анализ динамики языковой компетенции бурят Республики Бурятия за постсоветский период показал, что под «владением (миноритарным) языком» люди понимают даже минимальное владение, на практике выливающееся в первую очередь в пассивный навык – понимание. Также обследования за указанный период показали важность института образования и языковой политики, подрывая тем самым аргументы тех, кто считает, что сохранение (миноритарного) языка зависит в первую очередь от семьи.

Однако сами по себе сведения о владении языками и динамике языковой компетенции в бурятском и русском языках мало что говорят о взаимосвязи языка и этнической идентичности. Более информативным является анализ наличия или отсутствия *мотиваций* к изучению бурятского языка и их характера. Этот анализ будет сделан в целом по массиву данных, а не только по бурятам, так как сравнение мотиваций представителей разных этносов имеет значение.

Среди опрошенных в 2020 г. изучали бурятский язык 85,59% бурят, 45,18% русских и 26,53% людей других национальностей. Выясняется, что большинство из них, в среднем 27,23%, изучали бурятский по той причине, что «его преподавали в школе». Сейчас, когда решение о преподавании титульных языков в школах осуществляется по желанию и заявлениям родителей, только мотивация идентичности и некоторое осознание своего проживания на территории Бурятии пока еще сохраняет эти языки в школах. Мотивация этнической идентичности является основной для бурят, а для русских это территориальный фактор: 10,83% русских выбрали ответ «потому что я живу в Бурятии» (для них это второй по частотности ответ после «его преподавали в школе»). Вообще школа стала для многих русских единственным местом, где они познакомились с бурятским языком. Если до школы почти все опрошенные русские (94,45%) говорили только на русском, то в школе 35,01% из них добавили к своему лингвистическому репертуару бурятский язык. Несмотря на поверхностное знакомство с языком в рамках школьной программы, 20,48% сообщили о том, что стали знать его лучше в той или иной степени. Остальные причины являются гораздо менее значительными, так как не превышают планку в 10%. Так, изучали или изучают бурятский язык, поскольку он «помогает в общении с друзьями, родственниками», 9,31% опрошенных, хотят «слушать и петь песни на бурятском языке» 6,05%, 4,50% респондентов ответили, что знание языка «позволяет знакомиться с достижениями бурятской национальной культуры».

Известно, что мотивы выбора языка в условиях языкового неравенства носят прагматичный характер и «работают» не в пользу миноритарных языков. Данные нашего исследования подтверждают эту закономерность: больше трети опрошенных по всему массиву (37,78%) не хотят изучать бурятский язык, так как им достаточно знания русского языка. Таким образом, в отличие от ситуации в 1990-х – начале 2000-х гг., когда после принятия Закона о языках РБ бурятский язык изучали и русские, и бурятские дети, и дети других национальностей, сегодня, за редким исключением, изучают его только буряты.

И наконец, необходимо вернуться к вопросу непосредственно о связи языка и этнической идентичности сквозь призму малой статистики.

Как мы видим по данным таблицы, динамика признания родным бурятского языка, бывшая относительно стабильным показателем по данным двух первых обследований, резко падает к 2020 г. до 57,62%, т. е. сегодня почти половина бурят не считает родным только бурятский язык. Зато, соответственно, растут цифры признания родными двух языков: бурятско-

го и русского, – между 2009 и 2020 г. этот рост составил 26%. Эти данные хорошо коррелируют с не очень высоким уровнем языковой компетенции еще с поздних советских времен (ни в одном из речевых навыков уровень владения не превышает 50% за все годы опросов). Слабо знающие бурятский язык буряты перестают признавать его родным, но совсем отказываться от этнического языка не хотят, что отражается в растущих цифрах двойной этноязыковой идентификации. Именно об этом говорят данные региональных обследований.

Наконец, настало время сравнить эти данные с данными переписей. При сопоставлении мы отдаем себе отчет в разнице охвата населения – республиканского в первом случае и всероссийского – во втором. Однако при процентных показателях это не является помехой для сравнения. В плане языковой компетенции можно предположить, что уровень владения бурятским языком в РБ должен быть, наоборот, выше, чем в целом по стране, так как, несмотря на миграцию жителей Бурятии в центральные города, в Краснодарский край, за границу и т. д., Бурятия остается местом компактного проживания наибольшей части этнической группы (64,1% всех бурят РФ, по данным ВПН-2020) и единственной территорией, где бурятский язык имеет статус государственного с вытекающими из этого статуса мерами государственной поддержки⁹.

Сравнение данных малой и большой статистики позволяет сделать ряд выводов.

1. Если при ВПН показатели бурятского как родного языка меняются плавно от переписи к переписи (см. рис. 2), то республиканское обследование показало их резкое обрушение к 2020 г. (см. таблицу).

2. В республиканских обследованиях с 2009 г. появляется когорта людей с двойной этноязыковой идентификацией с тенденцией к резкому росту, так что в 2020 г. их количество составляет почти 1/3 опрошенных в республике бурят. Во всероссийских переписях населения данных о двух и более родных языках граждан нет; так, в «Методологических пояснениях» к ВПН-2020 относительно категории «родной язык» говорится «В таблицах 6 и 7 приведено распределение населения по *единственному или первому из указанных родному языку*» (курсив наш. – Э. Х., Г. Д.) [18]. При этом, согласно методике проведения переписи, люди могли указать несколько языков, но в финальные таблицы эти сведения не вошли.

3. Владение бурятским языком в РБ показывает гораздо более низкие цифры, чем при ВПН (ниже примерно в 2–3 раза в зависимости от конкретного навыка и уровня владения). Динамика владения языком не обнаруживает столь драматичных колебаний, как при определении родного языка, однако, по данным трех опросов (1989, 2009 и 2020 гг.), самый высокий уровень владения бурятским языком был все же в 2009 г. Получается, что языковая компетенция бурят РБ на исходе советского периода и сейчас примерно одинаково невысока, и никакого подъема владения языком к 2020 г., как показывали результаты ВПН-2020, в республиканском опросе не наблюдается.

Другим показателем новых трендов является то, что по результатам переписей увеличивается число лиц, не пожелавших указать свою этническую принадлежность. Количество таких людей (названных в СМИ наотказниками [19]) выросло в Бурятии с 1,75% от переписанного населения в 2010 г. до более чем 7% в 2020 г. Это характерно не только для Бурятии; как известно, при ВПН-2020 произошло резкое увеличение числа людей, которые не ответили на вопрос о национальной принадлежности, – с 5,7 млн в 2010 г. до 16,6 млн в 2020 г. Такое же число людей – 16,6 млн человек – не указали свой родной язык [20, 21]. Среди возможных причин называются снижение ценности этнической идентичности, нежелание людей делиться частной информацией, ассимиляционные процессы, цифровой формат переписи и т. д. [20]. То, что эти причины актуальны и для Бурятии, подтверждается вышеописанными тенденциями

⁹ См., например, Государственную программу Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы» [17].

к увеличению людей с двойной этноязыковой идентичностью и уменьшению показателей признания родным только бурятского языка. Появление среди граждан республики еще при ВПН-2010 новых этнонимов типа *метис* или *россиянин* также сигнализирует об этих процессах¹⁰.

В качестве штриха, завершающего этот раздел, нам кажется уместным привести данные об оценочных характеристиках бурятского и русского языков, полученные в ходе опроса учащихся РБ в 2021–2022 гг. Для выяснения этого в анкету были включены два вопроса: «Какими словами Вы охарактеризовали бы бурятский язык? Какими словами Вы охарактеризовали бы русский язык?». Результаты представлены на рис. 3 и 4.

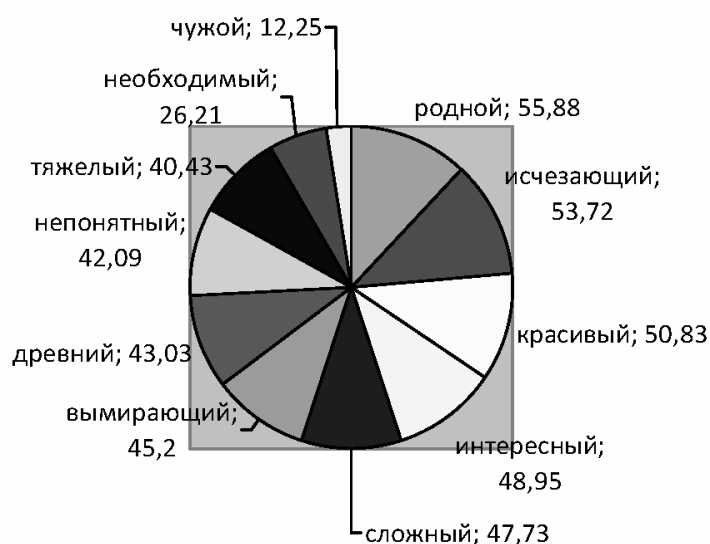

Рис. 3. Оценочные характеристики бурятского языка детьми, %

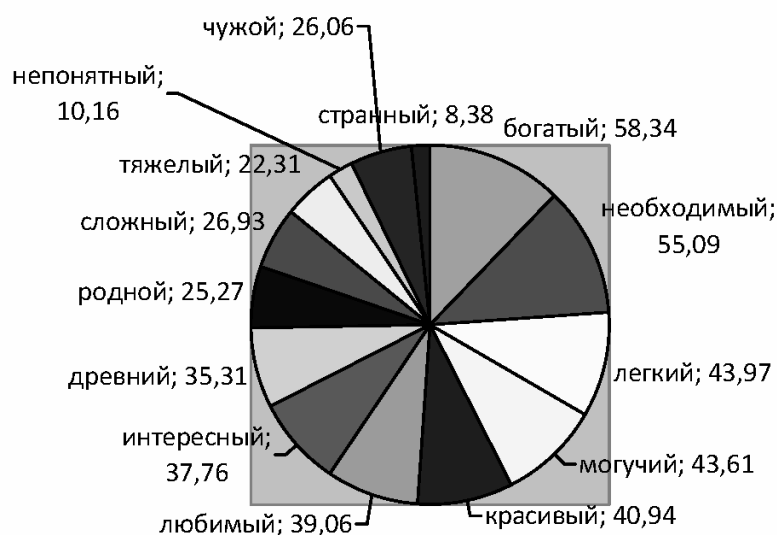

Рис. 4. Оценочные характеристики русского языка детьми, %

Доля охарактеризовавших бурятский язык как «родной» (55,88%) пока самая большая, и она почти совпала с долей детей, признавших его родным (55,23%). Поразительно, что сразу

¹⁰ Численность метисов в республике по ВПН-2010 составила 313 человек, а россиян – 16 человек. Также в ходе переписи населения граждане республики ответили, что являются «сибиряками» (41 человек), «поморами» (52 человека), «русскими поморами» (6 человек), «семейскими» (26 человек) и «гуранами» (5 респондентов) [22].

же следует характеристика «исчезающий». В целом положительные характеристики (интересный, красивый и т. п.) перемежаются с такими оценками, как «сложный», «непонятный» и «тяжелый». Только 26,21% ответили, что он «необходимый», а для 12,25% он «чужой». В сумме же *доля положительных реакций (342,38 %) превышает долю негативных реакций (273,72%)*.

Отношение к русскому языку выглядит следующим образом (рис. 4).

В первую очередь русский язык «богатый» и «необходимый», а для достаточно большой части опрошенных уже «родной» (25,27%). Вероятно, «сложным», «тяжелым» и «непонятным» он является в плане его усвоения. Негативные реакции («чужой», «странный») оказались в конце списка. *В отличие от показателей по бурятскому языку доля положительных оценок (379,35%) существенно превышает долю отрицательных (100,07%)*.

В общем оценки учащихся отражают целый ряд социальных, этнокультурных и других условий бытования обоих языков. Это и высокая оценка русского языка, и квалификация бурятского языка как «исчезающего», и сохраняющаяся при этом тесная связь (бурятского) языка и этнической идентичности.

Заключение

Сравнительный анализ данных большой и малой статистики выявил ряд различий и несоответствий между ними. Во-первых, это разница в самих процентах, во-вторых, то, что малая статистика, хотя ее масштаб несопоставим с большой статистикой, располагает более нюансированными сведениями, которые лучше согласуются друг с другом.

Так, Всероссийская перепись 2020 г. показала *рост* числа владеющих бурятским языком, использующих его в повседневной жизни и считающих его родным. Региональное же обследование 2020 г., наоборот, показало резкое *падение* показателей родного языка наряду с не менее резким ростом количества людей с двойной этноязыковой идентичностью, т. е. признающих родным и бурятский, и русский язык. Показатели владения языком несколько упали по сравнению с 2009 г., но в длительной динамике остаются на уровне 1/3 и 1/4 всего бурятского населения РБ.

Такая разница, безусловно, нуждается в комментариях.

Владение языком. Как мы уже упоминали, овладение языком – длительный процесс, и данные региональных опросов, начиная с 1989 г., показывают неоднозначную картину. С одной стороны, налицо доминирование пассивного владения языком (понимания) и ухудшение активного коммуникативного навыка – говорения. С другой стороны, благодаря кратковременному периоду обязательного изучения бурятского языка в школе люди, учившиеся в тот период, стали знать его лучше в той или иной степени. Однако в целом для роста языковой компетенции в республике (да и в стране в целом, см., например: [16]) за последнее десятилетие не было предпосылок, скорее, наоборот – переход на добровольность при выборе родного языка после 2018 г. уменьшил, а не увеличил количество изучающих титульные языки в школе. Об этом свидетельствует и падение мотивации к изучению бурятского языка в опросе 2020 г., и то, что сегодня, за редким исключением, изучают его только буряты. Динамика языковой компетенции по республиканским обследованиям показывает, скорее, сходство сегодняшней языковой компетенции бурят с той, которая была на исходе советского периода. Это представляется более достоверным, чем ее рост, как показывает ВПН-2020 (см. рис. 2).

Анализ также показал сложность самого понятия владения языком и его измерения. Проблема того, что люди говорят о своем владении (миноритарным) языком исходя из соображений символической этничности, известна давно, и введение графы про использование языка в повседневной жизни в ВПН-2020 являлось попыткой ее решения. По крайней мере в отношении бурятского языка эта попытка оказалась не совсем удачной – ничто не помешало

респондентам ответить на вопрос об использовании языка почти так же, как и на вопрос о владении языком. Более интересным представляется другой результат региональных обследований, показывающий *механизм языкового сдвига*: при относительной стабильности владения языком в целом с 1989 г. *происходит перераспределение языковых компетенций внутри самого понятия владения языком*: постепенно растут пассивные навыки, уменьшаются активные, в зависимости от языковой политики в образовании варьируют навыки грамотности. Это мера приспособления и реакции языка (его носителей) на внешние факторы, на языковую политику в первую очередь.

Бурятский язык как родной. Именно по этому параметру наблюдается самый большой разрыв между большой и малой статистикой – 83,39 и 57,62% соответственно. Мы предполагаем, что эта разница может быть объяснена тем, что в данных Росстата приведено распределение населения по единственному или первому из указанных родному языку. Тем самым в итоговых данных ВПН-2020 автоматически отсечены случаи двойной этноязыковой идентификации, хотя именно эти 29,02% бурят с двумя родными языками кажутся объяснением разницы между ВПН-2020 и региональным опросом 2020 г. Именно эти цифры неоднозначной этноязыковой идентичности являются показателями новых трендов (наряду с «нацотказниками» и новыми гибридными этнонимами).

Соответственно, если опираться на данные «малой» статистики, мы также не можем говорить о повышении коэффициента эмотивности у бурятского языка. Наоборот, можно утверждать, что за постсоветский период связка «язык – этничность» постепенно разрывается в обыденном сознании, отражая, по-видимому, самооценку бурятами их реальной языковой компетенции в этническом языке. Также прямая этноязыковая идентичность уступает место гибридным, более сложным формам идентичности. За счет этого, а также перераспределения языковых компетенций внутри самого понятия владения языком «ножницы» между владением бурятским языком и квалификацией его как родного не увеличиваются. Перспективные же тренды довольно явно просматриваются в ответах школьников, отражающих высокую оценку русского языка, негативные оценки будущего бурятского языка, но ценность его для этнической идентичности.

В заключение заметим, что как само понятие коэффициента эмотивности, так и примененный к его исчислению инструментарий, безусловно, полезны; весь вопрос в том, какими исходными данными будет оперировать исследователь.

Список источников:

1. Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 756–815. DOI: 10.30842/alp2306573716324
2. Хилханов Д. Л. Социальная и культурная дистанция: теоретические аспекты // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 3 (42). С. 154–157.
3. Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С. 132–140.
4. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Субъективные данные в социолингвистике и методы их исследования в ракурсе прогнозирования // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 8–25. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-8-25
5. Задорожный С. С. Статистическая обработка данных на языке R. М.: Физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. 104 с.
6. Ханова А. Ф., Большина Т. А., Драгой О. В. Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 2 (44). С. 58–69. DOI:10.23951/2307-6119-2024-2-58-69.
7. Hanova A. Emotively significant status of the native language: based on Russian census 2020 // Report at the V International Conference “Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education”. Высшая школа экономики, 6–8 апреля, 2023.

8. Ханова А. Ф. К вопросу измерения символической мощности национальных языков РФ (на материале Всероссийской переписи населения 2020) // Доклад на Международной конференции «Тенденции языкового развития многонациональных стран: от прогнозирования к языковому планированию». Институт языкознания РАН, 6–7 декабря 2023.
9. Независимая газета. Всероссийская перепись населения показала неоднозначный результат. 24 декабря 2021 года. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0927/perep04.php> (дата обращения: 04.09.2023).
10. Саримова Л. Владимир Зорин: «Считать образцовой перепись-2020 было бы необъективным» // Татар-информ. 28 января 2023 г. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/vladimir-zorin-scitat-obrazcovo-perepis-2020-bylo-by-ne-obektivnym-5894262?ysclid=lst8px69hl601241408> (дата обращения: 19.02.2023).
11. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.
12. Итоги ВПН-2020. Т. 5, табл. 4. Владение языками и использование языков населением. URL: Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (live.com) (дата обращения: 01.11.2023).
13. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект) / Г. А. Дырхеева, Б. Ж. Будаев, Т. П. Бажеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 143 с.
14. Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Бурятии: двадцать лет спустя // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 2. Улан-Удэ, 2011. С. 132–138.
15. Дырхеева Г. А., Бадараев Д. Д., Хилханова Э. В. Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 116–135. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135
16. Хилханова Э. В. Татарский язык в сфере образования Республики Татарстан после 2018 г. в зеркале общественного мнения // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 90–107. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107
17. Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы». URL: [Сохранение-и-развитие-бурятского-языка-в-Республике-Бурятия-на-2021-2030-годы.pdf](#) (nbrb.ru) (дата обращения: 11.11.2023).
18. Методологические пояснения. URL: [Tom5_met_VPN-2020.pdf](#) (rosstat.gov.ru) (дата обращения: 24.02.2024).
19. Санжиев П. В Бурятии стало меньше русских // Номер один. 19 января 2023. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/118643/?sphrase_id=15377231 (дата обращения: 30.01.2023).
20. Гурьянов С. Все свои: почему 16 млн россиян не заполнили графу «национальность» // Известия. 20 февраля 2023. URL: [Все свои: почему 16 млн россиян не заполнили графу «национальность» | Статьи | Известия \(iz.ru\)](#) (дата обращения: 19.02.2023).
21. Горячева М. А. Динамика владения русским языком в Российской Федерации по данным переписей населения 1989–2020 годов // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 30–48. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-30-48
22. Бурятстат. В Бурятии в перечне национальностей появились «метисы» и «россияне» // Байкал daily. 13.11.2012. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/56757/> (дата обращения: 25.02.2024).

Хилханова Эржен Владимировна.

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Институт языкознания Российской академии наук.

Пер. Б. Кисловский, 1/1, к. 28, Москва, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Дырхеева Галина Александровна.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.

E-mail: an5dag1@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29 февраля 2024 г.

E. V. Khilkhanova, G. A. Dyrkheeva

LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY AS REFLECTED IN CENSUSES AND REGIONAL SURVEYS: THE CASE OF BURYATIA

The main idea and purpose of this article is to test the hypothesis that the results of the 2020 All-Russian census compared to the 2010 census show a statistically significant increase in the emotivity coefficient, i.e.,

the number of people who claim an ethnic language as their mother tongue but do not actually know it. Buryat was named among the languages that, on the contrary, showed low emotivity coefficient, which might indicate a decrease in its symbolic value between 2010 and 2020. To test the hypothesis regarding the Buryat language, the authors of the article compared the data from the 'big' statistics (censuses) with the 'small' statistics – materials from regional studies on the Republic of Buryatia. The comparison revealed several differences between them. The 2020 census showed that the number of people who know the Buryat language, use it in everyday life, and consider it their mother tongue has increased. The 2020 regional survey, on the other hand, showed a sharp decline in the number of people who consider Buryat to be their mother tongue and an equally sharp increase in the number of people with a dual ethnolinguistic identity. According to the authors, this difference can be attributed to the lack of information on two or more mother tongues in the final 2020 census data. However, this information indicates new trends, hybrid ethnonyms, and an increased number of people who have not declared their ethnicity. The analysis of regional statistics also showed the similarity of today's Buryat linguistic competence with that at the end of the Soviet era and the mechanism of language shift. This mechanism consists of the redistribution of language skills within the concept of language competence itself: the gradual increase in passive skills, the decrease in active skills, and the variation in literacy skills depending on the vector of language policy in education. The research confirmed the decreased emotivity coefficient of the Buryat language; on the contrary, during the post-Soviet period, the "language-ethnicity" link is gradually being torn apart in everyday consciousness reflecting the Buryats' self-assessment of their real linguistic competence in the ethnic language.

Keywords: *language, ethnic identity, symbolic value of language, emotivity coefficient, mother tongue, Buryat language, linguistic competence, censuses, regional statistics*

References:

1. Khilkhanova E. V. Lyudi v yazykovoy politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoy Evropy) [People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. 16.3, pp. 756–815. DOI: 10.30842/alp2306573716324 (in Russian).
2. Khilkhanov D. L. Sotsial'naya i kul'turnaya distantsiya: teoreticheskie aspekty [Social and cultural distance: theoretical aspects]. *Vestnik VSGUTU – Bulletin of East Siberian State University of Technologies and Management*, 2013, no. 3(42), pp. 154–157 (in Russian).
3. Fishman D. Segodnyashnie spory mezhdru primordialistami i konstruktivistami: svyaz' mezhdru yazykom i etnichnost'yu s tochki zreniya uchenykh i povsednevnoy zhizni [Today's debate between the Primordialists and Constructivists: the relationship between language and ethnicity from the point of view of scientists and everyday life]. *Logos*, 2005, no. 4(49), pp. 132–140 (in Russian).
4. Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L. Sub'ektivnye dannye v sociolingvistike i metody ikh issledovaniya v rakurse prognozirovaniya [Subjective data in sociolinguistics and their research methods from the prognostic perspective]. *Sociolinguistics*, 2023, no. 4(16), pp. 35–52. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-35-52 (in Russian).
5. Zadorozhnyy S. S. *Statisticheskaya obrabotka dannykh na yazyke R* [Statistical data processing in R language]. Moscow: Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University Publ., 2023. 104 p. (in Russian)
6. Khanova A. F., Bolgina T. A., Dragoy O. V. Koefficient emotivnosti «rodnoy yazyk» v kontekste izmereniya simvolicheskoy moshhnosti minoritarnykh yazykov Rossiyskoy Federatsii (na materiale Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 i 2020) [The coefficient of emotiveness of "mother tongue" in the context of measuring the symbolic power of minority languages in the Russian Federation (based on the Russian Census data from 2010 to 2020)]. *Tomskiy zhurnal lingvistiki i antropologii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2024, no. 2 (44), pp. 58–69 (in Russian). DOI:10.23951/2307-6119-2024-2-58-69.
7. Khanova A. *Emotively significant status of the native language: based on Russian census 2020*. Report at the V International Conference "Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education". Moscow: Higher School of Economics, 6–8 April, 2023 (in English).
8. Khanova A. F. K voprosu izmereniya simvolicheskoy moshhnosti nacional'nykh yazykov RF (na materiale Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020): Doklad na Mezhdunarodnoy konferentsii «Tendentsii yazykovogo razvitiya mnogonacional'nykh stran: ot prognozirovaniya k yazykovomu planirovaniyu» [On the issue of measuring the symbolic power of national languages of the Russian Federation (based on the material of All-Russian Population Census 2020): Report at the International Conference "Trends in the linguistic development of multinational countries: from linguistic prognosis to language planning"]. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, December 6–7, 2023.

- Erzhen V. Khilkhanova.
Doctor of philology sciences, associate professor, leading research fellow.
Institute of Linguistics RAS.
Bolshoy Kislovskiy lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
- Galina A. Dyrkheeva.
Doctor of philology sciences, chief researcher
Institute for Mongolian and Buddhist Studies RAS.
Sakhyanova str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.
E-mail: an5dag1@mail.ru